

Теоретико-исторические правовые науки

Научная статья
УДК 37.035.6
DOI: 10.14529/law260115

СОВЕТСКОЕ ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В ДУХОВНЫХ ШКОЛАХ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-РЕЛИГИОЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР (1940–1950 гг.)

Ю. В. Зудов, yury.zudov@mail.ru

Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина,
г. Москва, Россия

Аннотация. В статье исследуется «советский» патриотический компонент в программах духовных школ Русской православной церкви в 1940–1950-е гг., повлиявший на формирование правосознания православного духовенства в СССР, – а, следовательно, когнитивной рамки церкви как социального института в послевоенной системе государственно-религиозных отношений. Обобщаются имеющиеся данные об организации патриотического воспитания в духовных семинариях и академиях; дается оценка того, как это воспитание влияло на правосознание будущих священнослужителей и в целом на «коллективные представления» внутри церкви; рассматривается связь патриотических нарративов РПЦ с процессом институциональной адаптации церкви к новой системе правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР. Используются методологические наработки неинституциональной теории Дугласа Норта (Douglass North, 1920–2015), институциональной теории права и антропологической версии институционального анализа Мэри Дуглас (Mary Douglas, 1921–2007).

Включение патриотического воспитания в учебный процесс духовных школ РПЦ было одним из инструментов кооптации государственного дискурса в церковное правосознание. Таким образом, система духовных школ вносила свой вклад в формирование общего советского мифа, который предлагала коммунистическая идеология. В результате такие «коллективные представления» легитимизировали образ советской власти и формировали государственную идентичность верующих наряду с церковной. Благодаря этому РПЦ могла демонстрировать свою лояльность государству и расширять границы дозволенного ей внутри сложившейся в послевоенный период системы правового регулирования сферы религии.

Ключевые слова: государственно-религиозные отношения в СССР, советское право, история правового регулирования, Русская православная церковь.

Для цитирования: Зудов Ю. В. Советское патриотическое воспитание в духовных школах русской православной церкви в контексте правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР (1940–1950 гг.) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2026. Т. 26. № 1. С. 95–106. DOI: 10.14529/law260115.

Original article
DOI: 10.14529/law260115

SOVIET PATRIOTIC AGENDA AS PART OF THEOLOGICAL TRAINING OF ORTHODOX CLERGY WITHIN THE LEGAL FRAMEWORK OF STATE-RELIGIOUS RELATIONS IN THE USSR (1940–1950)

Yu. V. Zudov, yury.zudov@mail.ru

Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia

Abstract. This article examines the "Soviet" patriotic component in the curricula of the Russian Orthodox Church's theological schools during the 1940s and 1950s. It argues that this component significantly influenced the formation of the legal consciousness of the Orthodox clergy in the USSR, thereby shaping the cognitive framework of the Church as a social institution within the post-war system of state-religious relations.

The study synthesizes available data on the organization of patriotic education in theological seminaries and academies. It assesses the impact of this education on the legal consciousness of the Orthodox clergy and, more broadly, on the "collective representations" within the Church. Furthermore, it explores the connection between the ROC's patriotic narratives and its process of institutional adaptation to the new system of legal regulation governing state-religious relations in the USSR. The methodological approach draws on the theoretical frameworks of Douglass North's (1920–2015) neo-institutional theory, institutional legal theory, and the anthropological version of institutional analysis developed by Mary Douglas (1921–2007).

The integration of patriotic education into the ROC's theological schools served as an instrument for co-opting state discourse into the Church's legal consciousness. Thus, the system of theological schools contributed to the formation of the overarching Soviet myth promoted by communist ideology. As a result, these "collective representations" legitimized the image of Soviet power and forged a state identity among the faithful alongside their religious one. This process enabled the ROC to demonstrate its loyalty to the state and gradually expand the boundaries of the permissible within the established post-war legal framework regulating religious affairs.

Keywords: state-religious relations in the USSR, Soviet law, history of legal regulation, Russian Orthodox Church.

For citation: Zudov Yu. V. Soviet patriotic agenda as part of theological training of orthodox clergy within the legal framework of state-religious relations in the USSR (1940–1950). *Bulletin of the South Ural State University. Series "Law"*. 2026. vol. 26. no. 1. pp. 95–106. (in Russ.) DOI: 10.14529/law260115.

В современной научной литературе, посвященной анализу правового регулирования взаимоотношений советского государства и Русской православной церкви (далее – РПЦ) в 1940–1950-е гг., утвердилось представление о том, что патриотическая позиция церкви в годы Великой Отечественной войны (в числе прочих факторов внутреннего и внешнего характера) сыграла важную роль в изменении вектора советской религиозной политики. Также известно, что особенностью риторики РПЦ в этот период были публичная лояльность советской власти и многочисленные патриотические декларации. Даже если предположить, что такая риторика была лишь тактическим приемом, призванным облегчить положение церкви в условиях атеистического государства, вряд ли можно отрицать и общее влияние патриотического подъема в СССР в 1940-х гг. на верующих граждан.

Кроме того, рассматривая РПЦ как отдельного субъекта (актера) внутри советской системы государственно-религиозных отношений, мы можем говорить и о роли самой церкви в формировании новой «ментальной модели» (или когнитивной рамки), в которой существовали как представители духовенства, так и обычные верующие. Структурными факторами в этом процессе были и официальный патриотический язык РПЦ, используемый в немногочисленной церковной прессе, торжественных речах и посланиях верующим со стороны иерархов, и сложившаяся в после-

военный период система патриотического воспитания будущих священнослужителей в духовных образовательных учреждениях.

В настоящей статье мы попытаемся дать ответ на вопрос, каким образом патриотическое воспитание в открывшихся в 1940-е гг. духовных семинариях и академиях РПЦ влияло на правосознание будущих клириков. При этом важно понимать, что верующие, как и все граждане СССР, жили в условиях свойственной советской системе парадигме «прерогативного» права – ситуации, в которой государственные органы и должностные лица могли действовать по своему усмотрению, не ограничиваясь рамками законодательства [42; 46]. Более того, практически вся нормативная база, за исключением ст. 124 сталинской Конституция 1936 года, провозглашавшей свободу совести, была засекречена, но при этом неизвестные верующим секретные акты непосредственно влияли на рамки дозволенного для религиозных объединений. Существовая в «серой зоне» правовой неопределенности, РПЦ, таким образом, стремилась через усвоение патриотических нарративов адаптироваться к новой модели правового регулирования государственно-религиозных отношений.

Предметом изучения в статье является советское патриотическое воспитание в духовных академиях и семинариях РПЦ в 1940–1950-е гг. как один из аспектов формирования правосознания православного духовенства в СССР.

Цель статьи – проанализировать значение советского патриотического воспитания в духовных школах РПЦ в 1940–1950-е гг. в контексте формирования правосознания духовенства и мыслительной (когнитивной) рамки церкви как института в послевоенной системе государственно-религиозных отношений.

Для этого мы, во-первых, обобщим имеющиеся данные об организации патриотического воспитания в духовных семинариях и академиях; во-вторых, оценим, как это воспитание влияло на правосознание будущих священнослужителей и в целом на мыслительную рамку церкви как института; наконец, сделаем вывод о связи патриотических нарративов РПЦ с процессом институциональной адаптации церкви к новой системе правового регулирования государственно-религиозных отношений в СССР.

Методология. Исследование будет опираться на новый методологический подход, названный нами историко-правовым неинституционализмом, который базируется на соединении наработок неинституциональной теории Дугласа Норта (Douglass North, 1920–2015) [27], институциональной теории права и антропологической версии институционального анализа Мэри Дуглас (Mary Douglas, 1921–2007). Последняя, в частности, пишет о «коллективных представлениях» («мыслительном коллективе» и его «стиле мышления»), которые направляют восприятие тех или иных явлений обществом. При этом образующие коллектив индивиды, которые погружены в общий контекст, формирующий их представления и границы суждений об окружающем мире, чаще всего не осознают этого влияния – хотя оно может простираться до такой степени, что исключает транскультурную коммуникацию [11, с. 68]. Институты фиксируют идентичность (индивидуальную и групповую) своих членов, обеспечивают их мышление категориями, «закрепляют социальную систему взглядов путем сакрализации принципов справедливости» [11, с. 207]. В итоге важные решения принимаются индивидами исключительно в рамках созданных ими институтов [10, с. 229].

При изучении официальных текстов также представляется необходимым опереться на подходы Кембриджской школы интеллектуальной истории, которая предлагает рассматривать религиозные институты и их полити-

ческий язык как инструменты воздействия авторов на аудитории в рамках общего конвенционального поля (например, работы Квентина Скиннера [45], Джона Покока [44] и др.). В этой парадигме анализируется общий язык, определяющий границы высказываний и ограничивающий круг тем; речь самих авторов; наконец, контекст политической коммуникации в конкретный исторический период. «Описав структуру публичной сферы и локализовав в ней конкретное высказывание, мы сможем лучше представить себе смысл осуществляемого им политического действия» [4, с. 121–123].

Кроме того, для прояснения роли церковного патриотического дискурса как части процесса неформальных институциональных взаимодействий мы будем использовать элементы акторно-ориентированного анализа. Акторно-ориентированный анализ основывается на акторно-сетевой теории, в рамках которой социальные процессы рассматриваются не только как результаты человеческих действий, но и как взаимодействие различных акторов (людей, организаций, технологий и проч.). Теория показывает, как эти акторы объединяются в сети, формируя и преобразуя социальную реальность [23].

В качестве *основного источника* будут взяты публикации Журнала Московской патриархии (ЖМП) 1940–1950-х гг. ЖМП был единственным официальным церковным периодическим изданием в эти годы и, конечно же, находился под строгим государственным надзором. В рассматриваемый период патриотическая риторика занимала большую часть журнала как такового. Но на его страницах, прежде всего в рубрике «Из жизни духовных школ» содержится большое количество свидетельств, интересных нам в рамках избранной темы.

Гипотеза исследования состоит в том, что включение патриотического воспитания в учебный процесс духовных школ РПЦ было одним из инструментов кооптации государственного дискурса в церковное правосознание. РПЦ как субъект государственно-религиозных отношений таким образом участвовала в конструировании новой «мыслительной рамки», в которой церковь обретала черты советского социального института. Одновременно благодаря этому РПЦ могла демонстрировать свою лояльность государству и расширять границы дозволенного ей внутри сложившей-

ся в послевоенный период системы правового регулирования сферы религии.

Степень научной разработанности вопроса. В настоящее время опубликовано немалое количество работ историков, правоведов и социологов, посвященных положению РПЦ в советском государстве и правовому регулированию государственно-религиозных отношений в СССР в целом. В первую очередь это работы историков О. Ю. Васильевой [7], А. Н. Марченко [26], М. Ю. Одинцова [28; 29], Т. А. Чумаченко [37], О. Н. Петюковой [32] и др. Вопросы образования и патриотического воспитания будущих священнослужителей затрагиваются в них лишь отчасти, в контексте описания общего состояния взаимоотношений государства и церкви на различных этапах советской истории. При этом все упомянутые авторы описывают активную патриотическую позицию РПЦ в годы Великой Отечественной войны, считая ее одной из причин смены вектора государственной политики в 1943 году [43]. Как правило, эти работы выполнены в нарративном ключе и вводят в научный оборот большое количество источников из рассекреченной части советских архивов.

Опубликовано некоторое количество работ, посвященных истории российских духовных школ, прежде всего фундаментальные труды по дореволюционному периоду В. Тарасовой [35] и Н. Суховой [34].

Исследования по истории советских семинарий и академий, предпринятые на основе рассекреченных архивных документов, а также мемуаров непосредственных участников процесса, как правило, касаются отдельных духовных школ [5; 9; 36; 40], при этом большинство освещают историю Московской и Ленинградской духовных академий. Некоторые работы посвящены изучению биографий церковных деятелей, оказавших влияние на развитие духовного образования в советские годы [2; 20]. М. Каиль в своих работах касается преподавательской деятельности митрополита Питирима (Нечаева) [16], а также рассматривает вопросы духовного образования в СССР через призму исполнения церковью государственных дипломатических задач [15]. Однако комплексные работы по духовному образованию советского периода отсутствуют.

Совсем немногие авторы исследуют воспитательную составляющую программы ду-

ховных школ. Помимо диссертации по периоду XIX–XX вв., защищенной в Санкт-Петербургской духовной академии [31], можно также назвать работу Д. Карпука, посвященную воспитательному процессу (и в том числе его патриотической составляющей) в Ленинградских духовных академии и семинарии в 1940-е гг. [18].

В последние годы церковные историки начинают обращаться к вопросу формирования «двойной идентичности» советских верующих, в которой патриотический дискурс, конечно, играл важную роль [21; 24; 25]. При этом они не касаются вопроса формирования правосознания духовенства РПЦ, а тем более – влияния на него патриотического воспитания в духовных школах.

В целом в имеющемся массиве научной литературы о правовом регулировании государственно-религиозных отношений в СССР слабо описана система патриотического воспитания в рамках подготовки церковных кадров в послевоенный период и, в особенности, его правовая составляющая. Определенная работа проведена по изучению некоторых элементов церковного правосознания. Однако мы практически ничего не знаем о том, как церковные акторы участвовали в процессе советского патриотического воспитания.

Общие замечания о духовном образовании в СССР. Прежде чем перейти непосредственно к тому, как патриотическое воспитание вплеталось в учебную и внеклассную жизнь обучающихся в духовных школах РПЦ, необходимо сказать несколько слов об учебном процессе в советских семинариях и академиях в целом, а также о том, какие цели духовного образования провозглашались церковным руководством.

Основной целью семинарий была подготовка пастырей, а академии должны были готовить епископов и преподавательский состав духовных школ [12]. Духовные школы делали акцент в первую очередь на формировании христианского мировоззрения и благочестия («воспитании истинного христианина»), базовом обучении православной догматике, церковной истории и литургике. При этом задачей курсов виделось «углубленное изучение древнего периода церковной жизни», чтобы проследить неизменность первоначальных церковных установлений [33]. Актуальные богословские вопросы и осмысление вызовов современности не были включены в програм-

му [1]. Однако многие, казалось бы, далекие от советской действительности церковные предметы (нравственное богословие, литургия и проч.) использовались в целях «гражданского и патриотического воспитания» – например, для бесед о праве на свободу совести в СССР [8]. В условиях действовавшей системы государственно-религиозных отношений и постоянного контроля за духовными школами со стороны Совета по делам Русской православной церкви (с 1965 года – Совет по делам религий при Совете министров СССР) и органов государственной безопасности иной подход был вряд ли возможен [28, с. 327].

По словам митрополита Исидора (Тупикина), образовательная и воспитательная функция были полностью исключены советским законодательством вплоть до 1990 года [13, с. 66]. Это утверждение нуждается в некотором уточнении. Действительно, открытие духовных школ в 1940-е гг. происходило по особому разрешению властей, без внесения каких-либо изменений в законодательство о культах, которое существенно ограничивало возможности обучения религии. В отношении же воспитательной функции стоит сказать, что ее немалую часть составлял «советский» компонент: подготовка «патриотов, горячо любящих свою Родину». Например, на торжественном годовом акте в Ленинградских духовных школах в 1952 г. констатировалось выполнение таких основных целей и задач, как «служение Церкви и Родине, воспитание учащихся в верности Православию и Советскому Правительству».

В отношении знакомства учащихся с основами советского законодательства о религии нужно признать, что оно носило достаточно поверхностный характер. Это прежде всего было связано со спецификой нормотворчества в СССР, которое носило закрытый, «избыточно секретный» характер [30, с. 125–126]. В том числе это касалось и правового регулирования сферы государственно-религиозных отношений. Изучение Конституции СССР с ее декларативными нормами о религиозной свободе было обязательным для семинарий и академий (в целях «усиления воспитательной работы в духе советского патриотизма, уважения к советским законам, высокой гражданственности») [17], однако прочие нормативные и распорядительные акты не были известны ни студентам духовных школ, ни даже высшим иерархам [22].

С учетом того, что в духовных учебных заведениях запрещалось изучать светские дисциплины (кроме Конституции и истории СССР), описанный подход формировал у выпускников специфическую картину мира. Зарубежные наблюдатели отмечали отсутствие у представителей советского духовенства интереса к вопросам образования, благотворительности и социально значимым современным проблемам [41].

Касаясь вопроса обеспечения церковью государственных интересов, нужно упомянуть и еще одну цель духовного образования в СССР – подготовку «церковно-дипломатических» кадров. На «внешнем контуре» советское государство активно убеждало международную общественность в том, что в стране существует религиозная свобода, заявляло об отсутствии преследований верующих. Очевидно, что, прежде всего для трансляции таких деклараций использовались сами представители РПЦ [3; 6; 14]. Для этого они должны были подбираться из максимально лояльных советской власти и патриотически настроенных священнослужителей.

В этом контексте логично, что патриотическое воспитание становилось составной частью программы обучения будущих священников. Однако в любом случае заинтересованность власти в воспитании максимальной лояльности духовенства советскому государству накладывалась и на реальный патриотизм верующих, проявившийся в годы войны [38, с. 135].

Патриотическое воспитание в духовных школах РПЦ. Непосредственным разработчиком новой концепции духовного образования в 1940-е гг. стал архиепископ (позднее – митрополит) Григорий (Чуков) [2]. Его предложения по устройству богословско-пастырских курсов были одобрены патриархом Сергием (Страгородским) и Священным синодом и после этого доработаны в Совете по делам РПЦ (например, введено преподавание Конституции СССР) [19, с. 20].

Сам митрополит неоднократно заявлял о своей патриотической позиции. В 1954 году, обращаясь к студентам ЛДАиС с напоминанием о «дружной объединенной работе» советского народа над «построением социализма в экономической жизни страны», он говорил, что верующие в СССР «с полным энтузиазмом» трудятся над «созданием лучших условий жизни и торжества правды и обеспе-

чения мира во всем мире» (Слово к студентам и воспитанникам Ленинградской духовной академии и семинарии в день памяти св. апостола евангелиста Иоанна Богослова в академическом храме 9 октября 1954 г.) [2, с. 217].

Митрополит Григорий также возглавил созданный при синоде в 1946 году Учебный комитет, в задачи которого входили, в том числе кадровые вопросы, утверждение учебных программ, надзор за учебным процессом [19, с. 22–23] и, естественно, за состоянием воспитательной работы.

Например, разработанное в 1949/50 учебном году Положение о воспитательной работе в ЛДАиС устанавливало обязанности воспитателей (классных наставников) «быть в курсе духовных запросов и морального состояния» обучающихся, а также ориентироваться в своей работе на главную цель – «дать православной русской Церкви подлинно-христианского пастыря, Родине – достойного сына-патриота и обществу – честного и культурного человека» [18, с. 120–121]. Для этого были предусмотрены и специальные «воспитательские часы», в ходе которых нужно было выяснять «религиозные и нравственные запросы учащихся», давать им советы и вести беседы «с правильным освещением» различных вопросов «религии и морали, патриотизма и гражданского долга» [18, с. 122]. Для этого воспитательная работа «дополнялась чтением газет и художественной литературы, а также устройством вечеров в дни гражданских праздников» [18, с. 125].

В Московских духовных школах патриотическое воспитание также стало одной из задач инспектора семинарии, должностные инструкции которого были детально проработаны и нормативно закреплены архимандритом Питиримом (Нечаевым), будущим митрополитом, который был назначен на эту должность в 1959 году [16, с. 334–336].

Свидетельства того, как патриотическая риторика вплеталась в публичные мероприятия, проводимые в стенах семинарий и академий, содержатся в статьях Журнала Московской патриархии. Например, ректор Московских духовных школ в обращении к студентам перед началом учебного года напоминал им, что они являются гражданами Советского Союза, «плотью от плоти нашего родного народа» и живут «его интересами, его тревогами, его заботами». Он процитировал заявление, выпущенное МДАиС в связи с приняти-

ем документа Всемирного Конгресса сторонников мира, в котором от имени воспитанников отмечалось, что они, обучаясь в стенах «прославленной своим патриотизмом Троице-Сергиевой лавры», также стремятся быть полезными своей Родине. Ректор также пожелал, чтобы в сердцах студентов «пламенел этот священный патриотический огонь, который некогда горел в наших великих соотечественниках». В этой атмосфере «религиозных и патриотических идей и настроений» духовные школы начинали каждый учебный год [10].

Характерный эпизод приведен и Л. Парийским в описании итогового годовичного акта в ЛДАиС в 1950 году. После чтения отчетного доклада «началась патриотическая часть», в ходе которой один из преподавателей выступил с речью на тему «Православие в борьбе за мир», а вслед за ним митрополит Григорий призвал участников «горячо готовиться, со всем усердием, к ожидающему служению Церкви и Родине». Присутствовавшие на мероприятии преподаватели и студенты «единогласно решили» послать приветственные телеграммы патриарху Алексию (Симанскому) и председателю Совета Г. Г. Карпову, а в завершение исполнили гимн СССР.

Высшие церковные иерархи при посещении духовных школ также транслировали в своих выступлениях политическую повестку. Митрополит Николай (Ярушевич), будучи гостем Московской академии в 1951 и 1952 гг., оба раза «с пламенным чувством патриотизма» говорил на тему борьбы за мир и предлагал для этого «церковно-религиозное обоснование».

Во многих случаях патриотические мероприятия имели приоритет по отношению к церковной составляющей семинарской жизни. В 1959 году ректор Киевской духовной семинарии Филарет (Денисенко) устроил торжественный вечер и концерт в Великую пятницу, совпавшую с праздником 1 мая. На недовольство семинаристов ректор возмущенно ответил: «Как вы можете оказать такое непочтение советскому празднику?... Вы забыли, под чьим небом живете! Чей хлеб едите! Чьим вы воздухом дышите!» [1, с. 178].

Таким образом, церковь в вопросе воспитания мировоззрения будущих клириков во многом следовала государственной линии [1, с. 187]. Начиная с 1940-х гг., РПЦ, окончательно закрепившая и свое нынешнее наиме-

нование (предложение назвать православную церковь «Русской», а не «Российской», как до революции, исходило непосредственно от Сталина), играла важную роль в планах советской власти, а государственно-религиозные отношения приобрели «взаимовыгодный» характер. Появился, по словам М. Шкаровского, целый слой «идеального советского духовенства», который стал одновременно участником и бенефициаром советской внешней и, частично, внутренней политики [39, с. 3].

Заключение. Основываясь на результатах проведенного исследования, можно констатировать, что при организации учебно-воспитательного процесса в духовных школах в 1940–1950-е гг. РПЦ насыщала его интенсивной патриотической риторикой и соответствующими мероприятиями, активно транслируя будущим священнослужителям советские идеологические нарративы. Таким образом, система духовных школ вносила свой вклад в формирование общего советского мифа, который предлагала коммунистическая идеология.

Духовные школы через основные конструкции и смыслы нового политического языка создавали специфическое «советское» правосознание будущих священнослужителей, «когнитивную рамку», которая постепенно усваивалась не только студентами академий и

семинарий: она приобретала черты нормативной и для других представителей духовенства и мирян. Происходила кооптация советского дискурса в церковный. Такого рода «коллективные представления» легитимизировали образ советской власти и формировали государственную идентичность верующих наряду с церковной.

Иными словами, новое правосознание церкви соединяло религиозную идентичность с послушанием государственной власти, а церковные установления в области взаимодействия с властью и обществом адаптировались РПЦ с учетом предлагаемых советской властью правил игры в «серой зоне» правовой неопределенности. Через кооптацию патриотических нарративов в церковный дискурс РПЦ стремилась уменьшить эту неопределенность и одновременно расширить границы дозволенного в условиях новой правовой и социальной реальности позднесталинской эпохи.

Наряду с другими тенденциями в государственно-религиозных отношениях рассмотренного исторического периода это способствовало дальнейшему встраиванию РПЦ как института, политического актора и субъекта государственно-религиозных отношений в советскую политическую и правовую систему.

Список источников

1. Адельгейм П., иерей. Своими глазами. Повесть в трех частях. М.: Крестовоздвиженское малое православное братство, 2010. 312 с.
2. Александрова-Чукова Л. Духовные школы в социалистическом государстве: дело жизни митрополита Григория (Чукова) // Тетради по консерватизму. 2024. № 4. С. 198–220.
3. Апанасенок А. В. Паломнические поездки советских граждан на Святую Землю в отражении «Журнала Московской Патриархии»: 1964–1967 гг. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5, История: Информационно-аналитический журнал. 2024. № 2. С. 7–27.
4. Атнашев Т. М., Велижев М. Б. История политических языков в России: к методологии исследовательской программы // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. II. № 3. С. 107–137.
5. Бартенев Г. В. Борьба за Саратовскую духовную семинарию в контексте церковно-государственных отношений в 1944–1951 гг. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2024. № 47. С. 149–173.
6. Беглов А. Л. Международная деятельность Русской Православной Церкви в период «нового курса» в государственно-церковных отношениях. Основные этапы и кризисные явления // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 4. С. 104–129.
7. Васильева О. Ю. Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М., 2001. 215 с.

8. Вишневецкий А. Взаимодействие Совета по делам религий при Совете Министров СССР с Духовными школами Русской Православной Церкви в период патриаршества Святейшего Пимена (Извекова) по материалам ГАРФ // Доклад на II Межвузовской студенческой конференции «Актуальные проблемы современной богословской науки». 8 мая 2012 г. URL: https://old.mpda.ru/tutor/site_pub/894029.html.

9. «В современных учебных заведениях им зажжена лампада знания перед алтарем вечной истины». Документы по истории развития богословской науки в Ленинградской Духовной Академии в первые годы ее существования / Публ. Д. А. Карпука // Христианское чтение. 2016. № 4. С. 110–155.

10. Доктусов Н. Начало учебного года в Московских духовных школах // ЖМП. 1950. № 10. С. 60.

11. Дуглас М. Как мыслят институты. М.: Элементарные формы, 2020. 250 с.

12. Журавский А. В. Проблемы религиозного образования в России // Континент. 2002. № 114. URL: <https://magazines.gorky.media/continent/2002/114/problemu-religioznogo-obrazovaniya-v-rossii.html>.

13. Исидор (Тупикин), митр. Религиозное воспитание и образование в СССР // Теологический вестник Смоленской Православной Духовной Семинарии. 2020. № 4 (9). С. 55–70.

14. Каиль М. В. «Православный фактор» в советской дипломатии: международные коммуникации Московского Патриархата середины 1940-х гг. // Государство, церковь, религия в России и за рубежом. 2017. № 1 (35). С. 19–40.

15. Каиль М. В. (Вос-) создание российской высшей духовной школы в контексте реализации дипломатической миссии Московской патриархии послевоенного периода // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 4 (59). С. 81–91.

16. Каиль М. В. Питирим (Нечаев) как преподаватель Московской Духовной Академии 1951–1992 гг. // Новый исторический вестник. 2025. № 1 (83). С. 327–342.

17. Карпук Д. А. Ленинградские духовные школы в годы обучения протоиерея Александра Меня (1959–1963 гг.) // V Мeneвские чтения. г. Сергиев Посад, 9–10 сентября 2010 г. URL: <https://spbda.ru/publications/dmitriy-karpuk-leningradskie-duhovnye-shkoly-v-gody-obucheniya-protierya-aleksandra-menya-1959-1963-gg>.

18. Карпук Д. А. «Конечная цель воспитания – дать Православной русской церкви подлинно-христианского пастыря, Родине – достойного сына-патриота и обществу – честного и культурного человека». Воспитательный процесс в Ленинградских духовных школах в 1940-х годах // Вестник Свято-Филаретовского института. 2024. Т. 16. Вып. 1. С. 107–131.

19. Кашеваров А. Н. Митрополит Григорий (Чуков) и воссоздание духовных школ в Ленинграде в 1944–1946 годах // Terra Linguistica. 2017. Т. 8. Вып. 1. С. 19–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mitropolit-grigoriy-chukov-i-vossozhdanie-duhovnyh-shkol-v-leningrade-v-1944-1946-gg>.

20. Кечкин И., свящ., Рязанов И. С. Московская духовная академия в период ректорства архиепископа Филарета (Вахромеева) (1966-1973): исторический очерк // Церковный историк. 2019. № 1 (1). С. 104–113.

21. Костромин К., прот. Отношение Русской Православной Церкви к социализму в советскую эпоху (по материалам «Журнала Московской Патриархии») // Христианское чтение. 2023. № 1. С. 394–406.

22. Куроедов В. А. Религия и церковь в советском обществе. М.: Изд-во полит. литературы, 1984. 256 с.

23. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.

24. Лизгунов П. «Журнал Московской Патриархии» как инструмент «примирения» православного и советского самосознания у верующих СССР в 1940–1980 гг. // Церковный историк. 2021. № 2 (6). С. 147–156.

25. Лизгунов П. Публикации свт. Луки (Войно-Ясенецкого) и проблема идентичности верующих советских граждан // Богословский вестник. 2021. № 4 (43). С. 159–179.

26. Марченко А. Н. «Хрущевская церковная реформа»: очерки церковно-государственных отношений (1958–1964 гг.): по материалам архивов Уральского региона. Пермь: Ред.-изд. отдел Пермского гос. ун-та, 2007. 200 с.
27. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. 190 с.
28. Одинцов М. И. Власть и религия в годы войны (Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). М., 2005. 540 с.
29. Одинцов М. И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма, 1917–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2014. 424 с.
30. Парамонов В. Н. Секретность в советском обществе в 1920–1940-х гг. // Вестник СамГУ. 2012. № 2/2 (93). С. 125–133.
31. Пашков В. П. Проблемы учебно-воспитательного процесса в духовных семинариях и способы их решения в трудах отечественных церковных деятелей на рубеже XIX–XX вв.: автореферат дис. ... канд. богословия. Санкт-Петербургская духовная академия, 2023. 36 с.
32. Петюкова О. Н. Правовые формы отношений Советского государства и Русской Православной Церкви в 1917–1945 годах. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 352 с.
33. Сарычев В. Задачи русской духовной школы (сокращенный текст доклада, прочитанного при встрече с делегацией греческих богословов 27 мая 1962 г. в Московской духовной академии // ЖМП. 1962. № 9. С. 70–78.
34. Сухова Н. Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы: вторая половина XIX века. М.: Православный Св.-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2006. 658 с.
35. Тарасова В. А. Высшая духовная школа в России в конце XIX – начале XX века. История императорских православных духовных академий. М.: Новый хронограф, 2005. 567 с.
36. Федчук А. Н. Волынская духовная семинария в советское время: хрущевские гонения и прекращение работы // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2020. № 94. С. 74–94.
37. Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь и верующие. 1941–1961 гг. М.: АИРО-XX, 1999. 248 с.
38. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М.: Крутицкое патриаршее подворье; Общество любителей церковной истории, 1999. 400 с.
39. Шкаровский М. В. Сталинская религиозная политика и Русская Православная Церковь в 1943–1953 годах // Acta Slavica Iaponica. 2009. Т. 27. С. 1–27.
40. Божко Митрофан, архім. Особливості структурно-функційної організації духовних семінарій за радянських часів (на прикладі Київської духовної семінарії) // Київські історичні студії. 2024. № 2 (19). С. 55–63.
41. Curtiss J. S. Religion as a Soviet Social Problem // Social Problems. University of California Press, 1960. Vol. 7. No. 4 (Symposium on Social Problems in the Soviet Union, Spring, 1960). P. 328–339.
42. Huskey E. A. Framework for the Analysis of Soviet Law // The Russian Review. 1991. Vol. 50. No. 1. P. 53–70.
43. Makarkin A. V. Orthodoxy and the Soviet Regime: From Conflict to Adaptation // Russian Studies in Philosophy. 2022. Vol. 60. No. 5. P. 395–406.
44. Pocock J. G. A. On the Unglobality of Contexts: Cambridge Methods and the History of Political Thought // Global Intellectual History. 2019. Vol. 4. Issue 1. P. 1–14.
45. Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas // History and Theory. 1969. Vol. 8. No 1. P. 3–53.
46. Solomon P. H., Jr. Law in Public Administration: How Russia Differs // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2008. Vol. 24. Issue 1. P. 115–135.

References

1. Adel'geym P., ierey. *Svoimi glazami. Povest' v trekh chastyakh* [With my own eyes. The story is in three parts]. Moscow, 2010, 312 p.
2. Aleksandrova-Chukova L. [Theological Schools in a Socialist State: the Life Work of Metropolitan Gregory (Chukov)]. *Tetradi po konservatizmu [Notebooks on conservatism]*, 2024, no. 4, pp. 198–220. (in Russ.)
3. Apanasenok A. V. [Pilgrimage trips of Soviet citizens to the Holy Land in the reflection of the "Journal of the Moscow Patriarchate": 1964-1967]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 5, Istoriya: Informatsionno-analiticheskiy zhurnal [Social Sciences and Humanities. Russian and foreign literature. Series 5, History: Information and Analytical Journal]*, 2024, no. 2, pp. 7–27. (in Russ.)
4. Atnashev T. M., Velizhev M. B. [The history of political languages in Russia: towards the methodology of the research program]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]*, 2018, Vol. II, no. 3, pp. 107–137. (in Russ.)
5. Bartenev G. V. [The struggle for the Saratov Theological Seminary in the context of Church-state relations in 1944–1951]. *Vestnik Ekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii [Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary]*, 2024, no. 47, pp. 149–173. (in Russ.)
6. Beglov A. L. [The international activity of the Russian Orthodox Church in the period of the "new deal" in state-Church relations. Main stages and crisis phenomena]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo [Contours of global transformations: politics, economics, law]*, 2018, Vol. 11, no. 4, pp. 104–129. (in Russ.)
7. Vasil'eva O. Yu. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v politike sovetskogo gosudarstva v 1943–1948 gg.* [The Russian Orthodox Church in the politics of the Soviet State in 1943-1948]. Moscow, 2001, 215 p.
8. Vishnevskiy A. *Vzaimodeystvie Soveta po delam religiy pri Sovete Ministrov SSSR s Dukhovnymi shkolami Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v period patriarshestva Svyateyshego Pimena (Izvekov) po materialam GARF* [Interaction of the Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR with the Theological schools of the Russian Orthodox Church during the patriarchate of His Holiness Pimen (Izvekov) based on the materials of the GARF]. *Doklad na II Mezhvuzovskoy studencheskoy konferentsii «Aktual'nye problemy sovremennoy bogoslovskoy nauki». 8 maya 2012 g.* [Report at the II Interuniversity Student Conference "Actual Problems of Modern Theological Science"]. Available at: old.mpsda.ru/tutor/site_pub/894029.html.
9. Karpuk D. A. ["In modern educational institutions, he lit the lamp of knowledge in front of the altar of eternal truth." Documents on the history of the development of theological science at the Leningrad Theological Academy in the early years of its existence]. *Khristianskoe chtenie [Christian Reading]*, 2016, no. 4, pp. 110–155. (in Russ.)
10. Doktusov N. [The beginning of the academic year in Moscow theological schools]. *ZhMP [ZHMP]*, 1950, no. 10, p. 60.
11. Duglas M. *Kak myslyat instituty* [How institutions think]. Moscow, 2020, 250 p
12. Zhuravskiy A. V. [Problems of religious education in Russia]. *Kontinent [Continent]*, 2002, no. 114. Available at: magazines.gorky.media/continent/2002/114/problems-religioznogo-obrazovaniya-v-rossii.html.
13. Isidor (Tupikin), mitr. [Religious education in the USSR]. *Teologicheskiy vestnik Smolenskoj Pravoslavnoy Dukhovnoy Seminarii [Theological Bulletin of the Smolensk Orthodox Theological Seminary]*, 2020, no. 4 (9), pp. 55–70. (in Russ.)
14. Kail' M. V. [The "Orthodox Factor" in Soviet Diplomacy: International Communications of the Moscow Patriarchate in the Mid-1940s]. *Gosudarstvo, tserkov', religiya v Rossii i za rubezhom [State, Church, Religion in Russia and Abroad]*, 2017, no. 1 (35), pp. 19–40. (in Russ.)
15. Kail' M. V. [(Re-) creation of the Russian Higher Theological school in the context of the implementation of the diplomatic mission of the Moscow Patriarchate in the post-war period]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Perm University. History]*, 2022, no. 4 (59), pp. 81–91. (in Russ.)

16. Kail' M. V. [Pitirim (Nechaev) as a teacher at the Moscow Theological Academy 1951-1992]. *Novyy istoricheskiy vestnik [New Historical Bulletin]*, 2025, no. 1 (83), pp. 327–342. (in Russ.)

17. Karpuk D. A. *Leningradskie dukhovnye shkoly v gody obucheniya protoiereya Aleksandra Menya (1959–1963 gg.)* [Leningrad theological schools during the years of study of Archpriest Alexander Me (1959–1963)]. *V Menevskie chteniya [V Menevsky Readings]*. Sergiev Posad, 2010. Available at: spbda.ru/publications/dmi-triy-karpuk-leningradskie-duhovnye-shkoly-v-gody-obucheniya-protoierya-aleksandra-menya-1959-1963-gg.

18. Karpuk D. A. ["The ultimate goal of education is to give the Orthodox Russian Church a truly Christian pastor, a worthy patriot son to the Motherland, and an honest and cultured person to society."The educational process in Leningrad theological schools in the 1940s]. *Vestnik Svyato-Filaretovskogo institute [Bulletin of the St. Filaret Institute]*, 2024, Vol. 16. Vyp. 1. pp. 107–131. (in Russ.)

19. Kashevarov A. N. [Metropolitan Gregory (Chukov) and the re-establishment of theological schools in Leningrad in 1944–1946]. *Terra Linguistica [Terra Linguistica]*, 2017, Vol. 8, Vyp. 1, pp. 19–25. (in Russ.). Available at: cyberleninka.ru/article/n/mitropolit-grigoriy-chukov-i-vozsozdanie-duhovnyh-shkol-v-leningrade-v-1944-1946-gg.

20. Kechkin I., svyashch., Ryazanov I. S. [The Moscow Theological Academy during the rectorship of Archbishop Filaret (Vakhromeev) (1966–1973): a historical essay]. *Tserkovnyy istorik [Church Historian]*, 2019, no. 1 (1), pp. 104–113. (in Russ.)

21. Kostromin K., prot. [The attitude of the Russian Orthodox Church to Socialism in the Soviet Era (based on the materials of the Journal of the Moscow Patriarchate)]. *Khristianskoe chtenie [Christian Reading]*, 2023, no. 1, pp. 394–406. (in Russ.)

22. Kuroedov V. A. *Religiya i tserkov' v sovetskom obshchestve* [Religion and the Church in Soviet society]. Moscow, 1984, 256 p.

23. Latur B. *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social: an Introduction to Actor-Network Theory]. Moscow, 2014, 384 p.

24. Lizgunov P. [The Journal of the Moscow Patriarchate as an instrument of "reconciliation" of Orthodox and Soviet identity among believers of the USSR in 1940-1980]. *Tserkovnyy istorik [Church Historian]*, 2021, no. 2 (6), pp. 147–156. (in Russ.)

25. Lizgunov P. [Publications of St. Peter. St. Luke (Voyno-Yasenetsky) and the problem of the identity of believers of Soviet citizens]. *Bogoslovskiy vestnik [Theological Bulletin]*, 2021, no. 4 (43), pp. 159–179. (in Russ.)

26. Marchenko A. N. «Khrushchevskaya tserkovnaya reforma»: ocherki tserkovno-gosudarstvennykh otnosheniy (1958–1964 gg.): po materialam arkhivov Ural'skogo regiona ["Khrushchev's Church Reform": Essays on Church-state Relations (1958-1964): based on materials from the archives of the Ural region]. Perm', 2007, 200 p.

27. Nort D. *Instituty, institucional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, institutional changes, and the functioning of the economy]. Moscow, 1997, 190 p.

28. Odintsov M. I. *Vlast' i religiya v gody voyny. (Gosudarstvo i religioznye organizatsii v SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.)* [Power and religion during the war years. (The state and religious organizations in the USSR during the Great Patriotic War of 1941–1945)]. Moscow, 2005, 540 p.

29. Odintsov M. I. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' nakanune i v epokhu sta-linskogo sotsializma, 1917–1953 gg.* [The Russian Orthodox Church before and during the era of Stalinist Socialism, 1917–1953]. Moscow, 2014, 424 p.

30. Paramonov V. N. [Secrecy in Soviet Society in the 1920s and 1940s]. *Vestnik SamGU [Bulletin of the Samara State University]*, 2012, no. 2/2 (93), pp. 125–133. (in Russ.)

31. Pashkov V. P. *Problemy uchebno-vospitatel'nogo protsessa v dukhovnykh seminariyakh i sposoby ikh resheniya v trudakh otechestvennykh tserkovnykh deyateley na rubezhe XIX–XX vv.: avtoreferatya dis. ... kand. bogosloviya* [Problems of the educational process in theological seminaries and ways to solve them in the works of Russian church leaders at the turn of the XIX-XX centuries. Author's abstract]. St-Petersburg, 2023, 36 p.

32. Petyukova O. N. *Pravovye formy otnosheniy Sovetskogo gosudarstva i Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v 1917–1945 godakh* [Legal forms of relations between the Soviet State and the Russian Orthodox Church in 1917-1945]. Moscow, 2012, 352 p.

33. Sarychev V. [The Tasks of the Russian Theological School (an abridged text of the report read at a meeting with a delegation of Greek theologians on May 27, 1962 at the Moscow Theological Academy)]. *ZhMP [ZHMP]*, 1962, no. 9, pp. 70–78.

34. Sukhova N. Yu. *Vysshaya dukhovnaya shkola: problemy i reformy: vtoraya polovina XIX veka* [Higher Theological School: problems and reforms: the second half of the 19th century]. Moscow, 2006, 658 p.

35. Tarasova V. A. *Vysshaya dukhovnaya shkola v Rossii v kontse XIX – nachale KhKh veka. Istoriya imperatorskikh pravoslavnykh dukhovnykh akademiy* [Higher theological school in Russia at the end of the XIX – beginning of the XX century. The history of the Imperial Orthodox Theological Academies]. Moscow, 2005, 567 p.

36. Fedchuk A. N. [Volyn Theological Seminary in Soviet times: Khrushchev's persecution and the cessation of work]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Episode 2: The Story. The History of the Russian Orthodox Church], 2020, no. 94, pp. 74–94. (in Russ.)

37. Chumachenko T. A. *Gosudarstvo, pravoslavnaya tserkov' i veruyushchie. 1941–1961 gg.* [The state, the Orthodox Church, and believers. 1941–1961]. Moscow, 1999, 248 p.

38. Shkarovskiy M. V. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' pri Staline i Khrushcheve (Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v SSSR v 1939–1964 godakh)* [The Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev (State-Church relations in the USSR in 1939-1964)]. Moscow, 1999, 400 p.

39. Shkarovskiy M. V. [Stalin's Religious Policy and the Russian Orthodox Church in 1943–1953]. *Acta Slavica Iaponica [Acta Slavica Iaponica]*, 2009, Vol. 27. pp. 1–27. (in Russ.)

40. Bozhko Mitrofan, arkhim. [Features of structural and functional organization of theological seminaries in Soviet times (on the example of the Kiev Theological Seminary)]. *Kiivs'ki istorichni studii [Kiev historical Studios]*, 2024, no. 2 (19), pp. 55–63.

Информация об авторе

Зудов Юрий Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина, г. Москва, Россия.

Information about the author

Yury V. Zudov, Candidate in History, Associate Professor of History of Law and State Department, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia.

*Статья поступила в редакцию 20 октября 2025 г.
Received October 20, 2025.*